

Вытегорскому говору в нашем журнале везет: в прошлом году мы публиковали материал о нем вместе с небольшим словариком диалектных слов, и вот нынче - ещё публикация. Сказки Клеопатры Алёшиной-Матюшиной написаны на том языке, на котором уже, к сожалению, почти не говорят. Но, может быть, еще понимают, - хотя бы там, где живут героини рассказов Клеопатры Тимофеевны. Язык, конечно же, русский, - но вытегорский говор от литературного русского очень отличается. Стоит вчитаться, вдуматься в эти странные на первый взгляд словечки, попробовать их на вкус (произнести хотя бы про себя, а лучше вслух) - и вы по-новому ощутите дивную глубину и вечную красоту русского языка, действительно великого и могучего, как говорил Иван Сергеевич Тургенев. Диалекты и говоры не искажают язык, как принято было считать в советское время, - они обогащают его особыми интонациями, значениями известных всем вроде бы слов. Рассказам сопутствует краткая статья о говоре, о местах, где этот говор существует, - это родные места автора.

О говоре Вытегорья начала XX века

Говор отличается от языка или наречия не только одним оттенком произношения. Это не жаргон - чужой язык, обработанный по-своему, это свой язык, разговорная речь живших, живущих в одной местности, с нажитыми собственными традициями и понятиями отношений.

Владимир Иванович Даль

К. Т. Алёшина-Матюшина представила в своей работе «Язык Вертосельги» уникальный и ценный материал, собранный ею с привлечением собственных познаний и многочисленных публикаций давнего времени. Автор исследования тонко чувствует местные языковые особенности, хорошо их знает, причём постоянно показывает архаический строй говора...

Людмила Зорина, профессор ВоГУ

Это поэт в прозе и для меня автор упоминательный, так хорошо она чувствует слово. Её понимание вытегорской, архангельской, северной русской речи для меня как песня.

Ольга Фокина, поэт

Обонежье - неизведанный край белых ночей, непролазных колдовских болот; край неисчислимых синих озёр, многие из которых, исчезая, возвращаются обратно; сказочный

край девственного суземья и глухариной песни - всё это Обонежье, Обонежская пятинка - т.е. пятая часть земель новгородских. Новгородцы пришли сюда в X веке.

Здесь, в 8 верстах от озера Онего, расположился небольшой городок Вытегра - районный центр Вологодской области (до 1937 года относился к Ленинградской области).

Обонежье - родина моих предков. В Обонежских лесах, на земле Олонецкой, примерно в сорока верстах от города Вытегры, среди болот на горах Вепсской возвышенности жила когда-то небольшая деревенька с загадочным названием «Вертосельга». С 1937 года вошла в состав Вологодской области. Очевидно, название деревни произошло от вепсского «Ver//ta» - палить подсеку. Вепсское слово «сельга» (второе слагаемое в названии «Вертосельга»), означающее сухое, возвышенное место среди болотистой местности, оправданно, ибо деревня расположена на высокой горе среди многочисленных озёр и непроходимых болот.

Когда-то по произношению можно было узнать, жителей какого края России представляет человек - это ли не повод, чтобы взяться за написание говорного словаря предков. И вот я пишу о деревенском языке, пишу о языке моих предков, пишу деревенским языком. Говоровые слова пишу так, как они произносились вертосёлами и вытегородами в

начале XX века. Важно сохранить звучание говора предков, донести смысловые тонкости ушедших, забытых слов, чтобы будущие поколения (мои внуки, правнуки) понимали их, дорожили родным языком и берегли память о прошлом своей родины. Помните, что народ, забывший своё прошлое, не помнящий родства своего, обречён на вымирание! Для меня в звучании вытегорского говора слились воедино и тревожащая душу «Песня варяжского гостя», и полная сказочных обещаний «Песня Садко», и загадочные «Половецкие пляски», и печальные мелодии «Аскольдовой могилы».

Свой языковой след в говорах Вытегорья оставили, вероятно, и «чудь», и «меря», и «мордва», продвигавшиеся с запада на восток; «весь» и «перьмь», жившие на землях страны Биармия (земли современной нам Вытегории); и можно вспомнить «ингров», обитавших в древности между Псковом, Ладужским и Белым озёрами.

Яркая особенность разговорной речи жителя Вытегории - манера говорящего заканчивать разговор (рассказ, предложение в своей речи), не ставя точку, а добавив к сказанному слово «да», умолкать, как бы давая собеседнику возможность домыслить остальное, причём произносилось это «да» на ноте последнего слога последнего слова. («**Давай глонём што - не на скóру рúку да.**»); а произнесённая в конце фразы частица «но» несла утверждение смысла сказанного или порицание, осуждение поступка. («**Ему бы только на подушках валятсе, но.**») А слово «давай» порой заменяло и прощальное напутствие, и пожелание удачи, «до встречи», «будь здоров». («**Ну, дак я поехал, прощайте!**» - «**Ну, давай!**»).

Как известно, у французов ударный слог - последний (магазин); у вепсов ударение падает на первый слог (ручей), а вертосёла произносили и так, и так, меняя, зачастую, вместе с ударением и смысл слова. Для примера возьму глагол «катить». Произнесённый с ударным «А» (катит) не вызывает сомнения, что кто-то кого-то или что-либо катит (в смысле везёт или передвигает методом переворачивания); но поставим ударение на «И» (катит), и сразу слышится насмешка,

пренебрежение и даже презрение, или же зависть, смотря по ситуации: долго ждали, и «**Вон он катит - явилсе, не запылилсе!**»; «**Катит на тройке - ровно барин какой!**».

Деревенский язык красочен, точен и неоднозначен в своих определениях. Если придагательное «розоватый» определяет цвет бледно-нежно-розовый, то «**красовитой**» - это ещё и как бы гордящийся собой. Вертосёл не скажет «чуть-чуть зелёный», или «не совсем зелёный», или «зеленоватый», он скажет «**зеленковáто(ё, й)**; «**яровитой**» - дающий богатое многочисленное потомство, «**домовитой**» - достойный похвалы хозяин, а вот «**тонковáт(ой)**, «**жидковáт(ой)**, «**херовáт(ой)**» - это совсем не то, чего бы хотелось. «**Ежовáтой**, «**собаковáтой**, «**собáцеливой**» - это определение характера человека - т.е. он не совсем как собака, но всё же скандальный человекичко. Если вертосёл говорил «**упрело**» о пище, варившейся-парящейся в печи, то это обозначало, что пища готова к употреблению, но «**прело**», «**пáрилось**», «**упревáло**» и бельё в печи в огромных «чигунах (после чего можно было отполаскивать его на озере); и «**пáрился, прел**» - потел человек в бане; о вспотевшем человеке говорили: «**упрёл, упáрилсе, спáрилсе, сопрёл**». А вот «**опрел**», «**опрелос(т)ь**» - это ещё и болезненные ощущения от «потения». Когда же запотевали оконные стёкла, то говорили «**окна плáцют**».

...Милых, любимых, желанных называли: **милушко, любушка, зобóтушка, забáвушка, жолáнно моё, лóбынька моя, сокóблик** и т.п. Этими же ласковыми словами они обращались к друг другу в разговоре: «**любушки вы мое**», «**милушки вы мое**», а фразы: «**мил-те мое**», «**любю мое**», «**любóушки мое**», «**милушки мое**», «**милые мое**», «**милушко моё**», «**лóба моя**», «**на-ко ты**» и т.п. играли в разговоре роль вводных слов.

Не всегда благозвучны и целомудренны слова и выражения вертосёлов, но в основном это язык людей, ещё помнящих заветы отцов: «не сквернословь, не греши!», а нечаянно согрешив заборным словом, добавляли спасительно-обереговую фразу: «**Не говоря худова слова**», «**Прости, Господи**».

Сказки из книги «Огнищяна»

БЫВАТ, И ВЕДМЁДЬ ЛЕТАТ

(рапсода)

А знаш ли нет ли, што ото за баба сидит на току, полно в зади табаку? Да цё туту думать? Он думает! Ну конешно, овин, што жо ышо, как не овин! В ём хлебушко - трудом-потом добыто. Ну, ак нехто те даром на зиму не напасёт. Даром-от тольке дарунки изредка-не цясто, да ишо за онбаром девка парню дала даром! Ну, это уж я так - к слоу! А вот слыхивал я, было тако дело - коза волка съела. Не вериш? Праэльно и делаш! Я вот тожо верю не каждому зверю. А вот ышо было, уй давно, бают, было! А и было-то недалёко - вото-где за Гадовым болотом, ноо-о, близ Лёмы, о реку два бугра-та...Да пой видывал? Ну да как жо нет-то?! Ить не одинова по тыёй дорожки-то пеша хожоно! Ну-у, я те об том и баю! Ак, сказывали, пахал тамока один. Ну, пахал, пахал, да вдруг сохой-от и зацепи котёл с деньгам! Вот-ыть подвезло-то как - шальные деньги привалили! Розбогател, в купнях топере ходит. Бают, денжышша лопатой, как на болоти клюкву, гребет! Ак виш, не топерь сказано - «деньги к деньгам липнут», а уж как где поведеще, ак там и петух кладеще, но! А ище туту при Кудамы-то...Знаш, роция-та близ цясовни? Ак в тыей роши две ямы и доси полным-полнёхоньки золота! А нехто и не зарицце! Ак бояцце людюшки-ты, бояя-цце! Ить за каждой клад непременно - голова положи! Ак, а кому охота?! Но, один, слышно, обхитрил. Вывёз-таки добра сколько-то возов, а с последним возом работника послал. Ыш - сам-от уцелел, а тово-то в ямы привалило. Ыш как, ноо! Ак знающшы-ты люди поговаривают, мол, запреги в соху петуха цёрнова семилетнево, токо которой ышо яйца не снёс, да и пашы до свету. А как где звякнет - там и рой! Спробуй, спытай шшасья! Хто знат, мот, глядиш и зацэпиш! А хто ё знат, мот, и сказки. Ить

врать - не колёса мазать! Дело твоё, можош не верить, а тольке я за што купил, за то и продаю. Говорят, што бывает - порой и река текет горой, а бывает - и ведьмёд летат - во как! Виш, и те смешно! А ить ишо говорят, што и кур доят, а коров на яйца садят, вот те и хи-хи! А не слыхивал ище - говорят коза волка съела, правда ли нет! Дак ыть язык-от без костей, ак мели да мели сколько хош - не сломаицце! Много цё говорят, иной наплетёт, намелёт боцьку арестантов, а ты тольке уши розвесь, да знай хлопай има, мот, чё и не прохлопаш, мот, што и сымаш ушми, а вот курушку златопёрку сымати - не каждому, не-эт! Нам-от дак не привалит тако шьясье, к нашому порогу не плывет бревно, а всё щепь да говно! Всё скрозь пальцы текет, мимо рук уходит - житье не умием! Да не зарься ты, милушко, не зря жо бают, што шальные деньги - как пришли, так и уйдут! А вот тожо бают, не знаю, взаболь ли как ли, бутто проти-то усья рицьки Тагажмы в реки Вытегры сколько-то боцёк с серебром спрятано! И откуль у людей таки денжышша беруцце? А ище, слышно, где-то у деревни Кудамы богатой кресьянин клад спрятал! Вот уж кому достанецце!.. Ак иди-поди, ищи-свищи - где тамока он деньги обряжал! И пошто людюшки деньги в землю зарывают? Нет бы жыли-проживали да ище наживали! Ну да шальные денжышша у людей, ак не знают куды их девать! Откуль всё знаю-то? Ак давно живу-то на белом свите-то. А ище я слыхал, бают, где-то в осьнаццети верстах от деревни Горки в Талому Руцью, ак тожо, говорят, богатой клад лежыт. В ём одново золота сорок боцёк - правда ли нет, не знаю, а вот што на Выгь-горы супроти Покрова дорогой клад зарыт, ак это тоцчно, и прямо, понимаш, на видном мести, бают, на площади, прямо пред храмом! Вот ыть на виду, а нехто сыскачь-от ево не можот и доси ровно заколдованё! Врут ли нет, а токо молва про тот клад идет, бытто зарыли ево сам на-стоятель с церковным старостой - прятали от

Советов церковное золото - пожертвования прихожан. А как жо, любя моя, ить раниш без цэрквы-ты куда? Не помереть, не оженище - за всё ишо денюшку подай! Вот и дарили, и несли, ак даров-от попам нанесут-навезуут - маа-ти родная! А особо богатые дары, бают, бывали от Ляксандра Фёдорыця Лопарёва - вытегорсково купця первой гильдии. Росторопной мужык был Лопарёв! Много про ево слухов всяких: навроде и сам был мастеровой, дошлой! Ак ыть Лопарёв-от тую цэркву и украшать саморуцно помогал, я сам видал на стенке севернова придела надписано: «Выполнена сия стенная живопись усердием Александра Фёдоровица Лопарёва в 1898 году». Клад-от? А и по сю пору сидит тая курушка-златопёрка у миру на виду! И, вот ыть, многим бы хотелосе иё сымать, да не полуцялосе всё у их как-то, мот не там рыли, где нать, а тольке бают, што на клад указыват одна из луковок - крест-от, бают, прямо на клад ляжот, коли проти сонця станёт. Ак ыть вот туту и есь закавыка-та: луковок-от на соборе дващитъ пять, дак котора? Ци! Да и сонцё тожо не ждет - не стоит на мисте, всё круг Покрова ходит! А быгто староста сказал: «След от двенаццятюи головы о полдён Троицына дня - один сажэнь вглубь, там и рой. Ай, да выдумки всё это, мало ли што люди говорят. А хотя з другой стороны - говорят - ак здра не скажут!

Пояснения

Вза́боль - вправду, всерьёз;

ведмёдъ - медведь (сокр. от «ведает мёд»);

Выть-гора - гора в 40 верстах от Погоста «Воскресенье на важнях» Олонецкой губ.;

Гадово болото - название болота на Вытегорщине;

дева́ть - использовать, спрятать;

за́рище - завидует чёрной завистью;

коли проти сонця станёт - когда напротив солнца станёт;

«круг Покрова» - вокруг собора Покрова Богородицы;

курушка златопёрка - клад;

Кўдама, Лёма - деревни Вытегорского уезда;

луковка - (зд) купол церкви;

мот не там где нать рыли - может, не там, где надо, копали;

«наплетёт, намелёт боцьку арестантов» - наврёт, насочиняет с три короба;

не там рыли - не там копали;

обряжа́л - прятал;

осьна́щети - восемнадцати;

отку́ль - откуда;

пёша хожоно - пешком ходил тут не один раз;

пой-пой-ко, поди́-ко, поди́ - (зд) может быть (в смысле неуверенности);

поро́г - каменные завалы на дне реки;

про́ти у́ся - напротив устья;

ри́цьки - речки;

скро́зь пальци - сквозь, меж пальцев;

Тага́жма, Горка, Кўдамы, Та́лый Рўчей - деревни Вытегорья;

«шалъные деньги» - деньги, доставшиеся без труда;

«шалъные деньги» - «большие деньги» - много денег;

шалъны́ деньги привали́ли - неисчислимые и задаром пришли.

БЫЛО ТАКО ДЕЛО - КОЗА ВОЛКА СЪЕЛА

(быль)

А уж это ак тощю угадаш. Но-ко, давай: три ноги, два уха да одно брюхо? Да ты штоо, не можот быть, штобы такой варовой парень да не знал! Ить ты и сам-от кажно утро к тому брюху бежыш, да полощесе в ём, как утя в озере. Ну! Ну празльно, празльно - лоханка, лохань! Воно стоит на трёх ногах. Коли воды полна налита, возьми да пусти бумажну лодоцьку, подуй - и поплывет она, и волны пойдут, как на взаправдашном озери. Ууй, а есь в наших краях таки большы озёра-та, дак! Да вот хош бы Матиньско ли Бел-озеро, а уж Оно́го-то-батушко, ак берега не видать! И волны пенные там, ровно в окян-мори, выше неба ходют, облака омывают, за окоём падают! А сонцё с утра в их лик светлый свой омыват, ввечеру в тыи волны нырят, ровно в мяхку перинушку. А ноцям... Бывал хош раз на ноцном-от озери? Вот я как-не возьму тя с собой на Норильне рыбалить! Спрашыващ - ноцям-то што бывает? Уи-й, тамо всяко-такo

быват - ууй!.. Да вот, любушка, не скажу где - на каком озери, врать не стану, мот на Айнозери, мот на Машозери... не знаю, но токо старики говорят: «Было!» Было, грят, видали не одинава: вдруг это, волны розбе-гуще! Вода на берег плеснёт! И вынырят... рыба - не рыба, птица - не птица... пловёт и крыльё рошшэперено - навроде литит над озёром! Вот, любушка! Ак, это жуть брала! На-ко ты: само в воды - не видать, а крыльё роспахнуто - литит, ровно змей-Аспид! Потом опеть - хлесь в воду, и как не бывало! А штот-ты, любушка моя, экой жах! Но, сымали, бают! Нашлисе храбреци, а мот случей выпал, но сымали. И што ты думаеш? А шшюка! Метров пять, как не боле! Вот те крест, не вру! Стара, аж мохом обросла, а сверьхю-ту, сверьхю-ту, любушка, веришь ли нет, коршун ли хто ли? Выглядел, видно добыцю, пал на ие, а поднять - ку-уды - пудова рыбина! Хватил добыцю-ту, а поднять силёнок не хватило - ак пой кашы мало ел! Ак ыть не зря жо говорят: «хто смог, тот и с ног!» Этот не смог: крыльям-от мах-мах, а тая наутёк! Она ёво в глыбь ташшыт, а ён кохтям завяз - выташытыть-от не успел! Так с простёртым крылам и заколодел! Уташыла она ёво на дно. Сказывають, долго народ пугало. Но сымали, да! А ты сходи к Лёхе Курану! У ёо на притолаке голова тыеи рыбины - пась розела - от зглазу дом оберегат. Дед ли хто ли сымал ие, помню. Иш как Курану подвезло. Сходи, любушка, сходи. Погляди - полюбойсе!

Пояснения

Варóвой - сообразительный;

грят - говорят (торопливое произноше-ние);

жах - ужас;

заколóдел - застыл, стал неподвижен, как колода;

«кто смог, тот и с ног» - кто сильнее, тот и свалит с ног слабого;

лохáнь - деревянный таз;

Норйльнё, Айнозеро - озёра близ Вер-тосельги;

окоём - горизонт;

пась розéла - пасть раскрыла;

пой - (сомн) поди, наверное;

роспахнуто, рошшэперено - раскрыто;

тая наутёк - та бежать бросилась;
ўтя - утка.

БЫЛЬ МОЛОЦЮ НЕ УКОР

(быль)

А вот старики тожо лабандали - робят смешыли: «Две головы, шесть ног, две опы да хвос?» Молциш? А как сядёш на лошадушку, ак то и будёт, как пошшыташ. Смешно?! Бабке воно тожо смешно - ыш хохоцёт-закатываицце, цё-то спомнила. Цё, баушка, спомнила-та? Но-ко роскажы, давай, ак и мы поохоцём!

- Да так - спомнилосе... А коваднесь мы с Ньюшкой, вото, с Лукиной, по грибы бе-гали. Цельной дён по ельнику ползали. Но назбирали! Хорошо назбирали, не скажу, што плохо - хорошо! Много - цельныё корзины, а на ягодник напали, ак тамо как ягод-ягод! Ну, назбирали, домой собралисе. Идем, корзины полнёхоньки! Идем, это, с лесу выползам ...- Ыый! Шцё такоё?! - Мужык голой, ну как есь, в цём матка родила, бегат по берегу: туды-сюды, ровно горела овецька! Уый! - мы нани аймешталисе: лю-убушки мое! А Нюрка лундыши-ти вырацила, сказать не цё не можот, тольке рукой эк, мол - «гли-гли!»... А и я-то сама - ажно занемела! Ма-аттышки мое! А мужык-от тожо... Видно, заметил нас - оостолбенел! Это, сором-от колияням зажал, рукам прикрыл, согуром в три погибели, тожно ёво по загривку оглоблэй перетянули. А куды динессе? Не куста, не деревины! Стоим супротив дружка друг, цё делать - не знам. Вдруг, это с овражка-та боо-ольшэнны таки две собацишшы: ав-ав... и к ёму! Нну! - думаю. А оне, ну-ко ты, и стали перед им. Цё - думаю - удивленьё какоё! А одна, гляжу в зубах ёму цё-то и подала. Мужык, это, вдруг мимо нас смело так, скоро к рицьке политил! И тут Нюркя ойкнула, да и захохотала, как самашецця. Не цё не говорит, пальцём тыцёт в мужыка-та, хох-хоц-цёт!.. Я глянула: ууйй, мат-тышки мое-э! У ёво на том мисте, где сорому-ту быти - птица крылья простёрла! Воаа-й, диво-дивноё!. А мужык-от бегом да бе-гоом! Да в рицькю - прыг! Скаканул и поплыл. Собаки за им... Опосля уж слышно

О ГОВОРЕ ВЫТЕГОРЬЯ

стало: охотник с Талиньсельги забрёл. Утку-ту стрéлил, а она, лишó, и пади в овражок в зареку. Он собак пустил, сидит, ждёт. Собак нет и нет, нет и нет! Ну, порты скинул, да за има. А тутока - мы. Уй! А он голой! Ладно собаки утку-ту приташшыли! Он ие за крыльё, да и прикрылсе. Ыш, тожо натъ догадаце! Сором-от прикрыл, и - дралки! А мы - тольке-што в омморок не пали! Но-ко, замест сорому-ту, эка-то нецево! О-ой, любушки мое! А смеху-ту, смеху-ту было! Ладно мужык не нашэй деревни, нет бы - хош провались! Ну, да и то правда - былъ молощю не укор.

Пояснения

Аймешталисе - испугались, сердце замерло;

дралки - бросился бежать;

ковáднесь - (букв)какова дня, т.е на днях;

«ковáднесь» - слово, когда-то родившееся в результате быстрого невнятного произношения и в этой трансформации оставшееся в говоре;

«к рíцьке политíл» - к речке побежал;

«лúндыши-ти вылунила» - глаза-то широко раскрыла;

мóлощю - молодцу;

на ягодник напали - нашли ягодное место;

по загравку оглоблэй перетянули - оглоблей по затылку, по шее ударили;

ползали - долго ходили;

потóббалка - бестолковая;

самашéцця (нехаракт) - сумашедшая;

сóром, срам, пúшшо место - гениталии;

«с лесу выползám» - из леса выходим;

Талиньсельга - деревня Ежезёрского уезда.

Клеопатра АЛЁПИНА-МАТЮШИНА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЛИЦАХ

Мария Владимировна Зибольд (1889 - ?). Россия. Портрет Михаила Юрьевича Лермонтова. 1914. Бумага, сухая игла